

Публикация «Алфавита»

Адольф Бергункер (1906–1986 гг.) более полувека работал на киностудии "Ленфильм". Среди его режиссёрских работ такие легендарные ленты, как "Остров Безымянный", "Отцы и дети", "Мятежная застава", "Девочка, хочешь сниматься в кино?" и др. Прозу он писал в 70-х годах в периоды так называемого "межкартинья". Рассказ, предлагаемый вниманию читателей, затрагивает судьбы и взаимоотношения двух художников – Юрия Пэна и Марка Шагала.

Адольф Бергункер

В ВИТЕБСК МНЕ С ТОВАРИЩЕМ ДОВЕ-лось приехать осенью 1932 года в командировку. Ранним утром по тихим улочкам мы пришли к старенькому покосившемуся домику. Дверь открыл мальчик лет девяти с лицом, щедро осыпанным веснушками, и непокорной копной светлых волос. Весь измазанный краской, в руке он держал кисть.

Мы вошли в большую светлую комнату, размеры которой никак не вязались с внешним видом дома. Стены снизу до потолка были увешаны картинами, и ещё бесчисленное их количество стояло на полу. У окна на мольберте – незаконченный портрет. В глубине комнаты из-за старенькой бамбуковой ширмы выглядывала спинка железной кровати.

Художник Пэн вышел к нам в чёрном потёртом сюртуке, с медной слуховой трубкой, висевшей на чёрном шнурке. Несмотря на 78 лет, он не горбился, седая голова была коротко стрижена.

В соседней комнатке, куда пригласил нас хозяин, – там были собраны его самые любимые работы, – среди множества теснившихся картин, висели рядом два совершенно одинаковых портрета: дама в голубой блузке и ши-

Ю. Пэн. Автопортрет.

Ю. Пэн. Домик с козочкой.

Не известно, как сложилась бы судьба Марка Шагала, не встретить он Юрия Пэна. Может, так и рисовал бы всю жизнь "рог изобилия"

ПРОВОДНИК

рокополой шляпе. Мы заинтересовались – какой из портретов оригинал, а какой копия? И почему их два?!

Помолчав, Юрий Моисеевич начал свой тихий монолог, который я запомнил почти дословно:

"Когда я учился в Академии художеств и снимал угол на Васильевском острове, каждую пятницу вечером я должен был иметь 3 рубля, за которыми аккуратно приходил околотовный. Я мог не есть, не пить, но эти 3 рубля я должен был иметь, иначе он бы меня выслал из Петербурга.

Окончив академию, возвратился к себе в Витебск без копейки денег. Целыми днями, голодный, бродил по городу в поисках какой-нибудь работы. Но я мог только рисовать, а это никому не было нужно. И я решил выставить для продажи в нотном магазине три небольшие работы. Хозяин назначил цену – по 15 рублей за каждую – и поставил их в витрину.

Проснувшись утром, я сразу бежал к магазину, было ещё рано, жалюзи

спущены. Приходилось подолгу прохаживаться с безразличным видом, пока наконец открывали магазин и я убеждался – мои картины на месте.

Но однажды их там не оказалось. Пытаясь скрыть волнение, я вошёл в магазин.

– Где вы пропадаете, молодой человек? – набросился на меня хозяин. – Вас разыскивает житомирский губернатор!

Хозяин достал из кассы аккуратно сложенную бумажку:

– Вот, он оставил вам записку.

В лаконичной форме меня просили зайти к губернатору, который остановился в доме городского головы. Хозяин смотрел на меня с нескрываемым интересом.

– Кстати, вы можете получить ваши деньги, – и он заговорщицки подмигнул: – Картины ваши купил тоже губернатор.

Должен сказать, я тогда не на шутку испугался, хотя ничего криминального за собой вспомнить не мог. Слишком старательно всю жизнь нас учили бояться всего, включая собственную

тень. Даже радость от полученных денег не могла меня успокоить.

УЛЫБАЯСЬ, ГУБЕРНАТОР ДРУЖЕ-

любно протянул руку: – Мне понравились ваши картины, господин Пэн, и я хотел бы вам помочь стать на ноги. Поедьте ко мне в Житомир, будете жить в моём доме. Там прекрасные места – вы как художник сумеете их оценить. Платить вам буду за год 200 рублей, но всё, написанное вами за это время, будет принадлежать мне. Это, по-моему, логично, правда ведь?

Я был молод, беден, бездомен и согласился. Когда срок кончился, он угловорил меня продлить договор, увеличив гонорар до 250 рублей. А спустя ещё год предложил мне поездку во Францию и Италию:

– Посмотрите мир, вы художник, вам это необходимо. Денег на поездку я вам дам, в счёт договора на третий год.

Об этом можно было только мечтать. Около полугода я странствовал, наслаж-

даясь музеями и свободой. В Житомир возвратился с огромным количеством этюдов. Но они мне не принадлежали. И когда губернатор предложил новый контракт, я отказался. Он не обиделся, во всяком случае не подал вида. Пожал мне руку, и мы расстались.

Я вновь приехал в Витебск. И с тех пор старался не продавать своих картин. После смерти я всё оставлю государству, но пока жив — они нужны мне. Я должен жить среди них.

Теперь легче будет объяснить, откуда у меня эти два портрета. Кажется, это было в 1912 году. Ко мне пришёл мужчина лет сорока, такой, знаете, преуспевающий. Едва поздоровавшись, перешёл прямо к сути:

— Я приехал сюда по делам из Санкт-Петербурга с женой и хочу, чтобы вы написали её портрет.

Я ответил, что заказы не принимаю. Купец вынул из бумажника две сторублёвые и положил на стол:

— Это тебе задаток, когда напишешь — получишь ещё сто.

Я отказывался. Тогда он ударил по столу кулаком, крикнув:

— Пятьсот рублей плачу тебе, соглашайся!

Это были очень большие деньги. Они давали возможность длительного существования, а следовательно, спокойной работы. Я написал портрет. Они увезли его. А я потерял покой и долгое время просто не мог работать. Мне не хватало его.

Как-то в восемнадцатом году ко мне зашёл знакомый. Он слышал, что будто мой купец удрал за границу. Я решил немедленно ехать в Петроград, выяснить, действительно ли он уехал и — главное — увёз ли с собой портрет. Шла Гражданская война, переполненные

эшелоны, голод. Но мне удалось добраться, разыскать нужный дом. Женщина, открывшая дверь, подтвердила: хозяева уехали. Не могу объяснить, как я пережил те минуты, пока не убедился, что портрет здесь и никуда не увезён. Я был просто счастлив.

Подробно изложив всю историю в петроградской комендатуре, я попросил выдать мне портрет под расписку с обещанием возвратить его владельцу, если он вернётся. Мне ответили, рассмеявшись, что помогут, но возвращать портрет вряд ли придётся.

Не верилось, что моя мечта так легко осуществится. Добравшись до Витебска, я немедленно написал копию — боялся, что портрет у меня заберут. Но товарищи оказались правы. Их смех дошёл до меня позднее. Вот почему два одинаковых портрета висят рядом. Теперь я сам, пожалуй, спутал бы, если бы точно не знал, какой из них подлинник".

ЮРИЙ МОИСЕЕВИЧ УЛЫБНУЛСЯ, ДОСТАЛ из бокового кармана сюртука конверт с потрёпанными краями и протянул мне. В глаза бросилось обилие французских слов в русском тексте. Пэн поздравляли с 75-летием: "Это Вы, дорогой учитель, открыли мне дорогу в искусство. Вы помогли найти мне своё место в жизни, и я стал художником". Внизу подпись — Марк Шагал. За этой подписью — удивительная история.

Идёт как-то Юрий Моисеевич по улице Витебска и видит: стоит на земле прислонённая к стенке вывеска. Рядом мальчик лет девяти — хрупкий, в мятном картузе, весь измазанный краской — лихо рисует рог изобилия, из которого буквально вылезают пироженные.

Ю. Пэн. Портрет М. Шагала.

"Мальчик поразительно легко владел кистью, — рассказывал Юрий Моисеевич, — я долго любовался им. Затем спросил:

— Как тебя зовут?

Мальчик только теперь заметил меня.

— Маркуша! — ответил он и вновь принялся за свою работу.

— Хочешь, я научу тебя живописи?

Маркуша посмотрел на меня и гордо заявил:

— Я здесь получаю 3 рубля в месяц жалованья.

Мальчик нравился мне всё больше.

— Знаешь что, я не только буду платить тебе 3 рубля в месяц, но ещё ты будешь жить на моих харчах. Поговори с родителями и, если они не будут возражать, приходи ко мне.

И дал ему адрес.

На следующее утро Маркуша пришёл. В моём доме он провёл остаток детства и юность. Это был трудолюбивый, любознательный мальчик, с острым глазом, с поразительным ощущением цвета. Из всех моих учеников он, конечно же, самый талантливый. Когда он вырос, мы собрали в Витебске денег и отправили его в Петербург. Но, к моему удивлению и огорчению, в академию его не приняли. Он вынужден был поступить в "Общество поощрения художеств". Это, конечно, не академия, но что было делать? Шагал хотел учиться..."

Юрий Моисеевич бережно спрятал письмо в карман сюртука.

СПУСТЯ ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ НАШЕЙ встречи газеты сообщили, что в городе Витебске с целью ограбления ночью зверски убит художник Пэн. Ему было нанесено несколько ножевых ран. Невозможно даже представить себе человека, у которого могла подняться рука на 83-летнего глухого старика, защитой которому служила только старая бамбуковая ширма.

Редакция признательна вдове А. Бергункера Элеоноре Казанской за предоставленную рукопись.

Постскриптум

В БИОГРАФИЯХ ХУДОЖНИКОВ, О КОТОРЫХ вёлся рассказ, белых пятен не меньше, чем в жизнеописаниях кумиров эпохи Возрождения. До сих пор, например, не ясно, приезжал ли Шагал в СССР в таком-то году инкогнито? А когда приезжал официально, то был в Витебске или всё-таки не был? Слухи, просачивавшиеся о нём из-за границы, сами собой становились легендами. В том же, что Шагал считал нужным рассказывать мировой общественности о своей жизни в России, в свою очередь содержит изрядная доля мифотворчества. В книге "Моя жизнь" он пишет: "О Пэне я узнал, стоя на трамвайной площадке. Я увидел надпись белым по синему: "Школа художника Пэна", в тот момент трамвай пересекал Соборную площадь. "Ах, — подумал я, — какой же он интеллигентный, наш Витебск!" Согласитесь, весьма изящная мысль для подростка из семьи разносчика селедки. Так или иначе, вывеска — единственная общая деталь в двух картинах знакомства ученика и учителя. По распространённой версии Шагал посещал студию Пэна всего два месяца в возрасте то ли 14, то ли 16 лет.

Безуспешными оказались и прочие попытки сравнить детали повествования А. Бергункера с официальными биографическими сведениями. Тем паче что последние сплошь и рядом противоречат друг другу в датах, именах и географических названиях. Так, в одном из источников вместо житомирского губернатора фигурирует барон Н. Корф, чьё имение располагалось вблизи Витебска, но с которым Пэн познакомился в Риге. И даже год приезда молодого живописца в Витебск доподлинно не установлен.

Лишь недавно мир начал открывать художника Ю. Пэна, а вместе с тем подмечать степень (очевидную даже на самый поверхностный взгляд) его влияния на знаменитого воспитанника. Год назад в Риге и Нью-Йорке прошли совместные выставки Пэна и Шагала, в Израиле издана книга "Ю. Пэн и его ученики". В отечестве Иегуда Моисеевич Пэн, он же Юдель Мовшевич, он же Юрий Моисеевич, поныне известен узкому кругу как первый наставник Шагала. Сведения о его жизни, равно как и о творчестве, крайне скудны.

Учитывая вышесказанное плюс возможные искажения памяти (когда А. Бергункер описывал встречу с Ю. Пэном, они почти сравнялись по возрасту), не стоит искать в этой истории правды и неправды, "было" и "не было". Это ещё один красивый мифологический сюжет из множества других, оплетающих жизни художников.

Елена Жукова

М. Шагал. Дождь.